

Любимые поэты

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Песня о друге

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В93

Дизайн серии *Анны Якуниной*

Высоцкий, Владимир Семёнович.

В93 Песня о друге / Владимир Высоцкий. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Любимые поэты).

ISBN 978-5-17-161494-2

Владимир Высоцкий — поэт, актер, бунтарь и настоящая легенда авторской песни. За долгие годы своего творчества он написал множество стихотворений, которые в сочетании с великолепной музыкой покорили сердца миллионов людей еще в советскую эпоху. Среди них: «Большой Каретный», «Моя цыганская», «Скалолазка», «Охота на волков», «Прощание с горами», «Баллада о Любви», «Кони привередливые», «Я не люблю» и многие другие.

В сборник «Песня о друге» вошли лучшие образцы поэзии В. Высоцкого, всегда такой разной — философской, любовной, ироничной. Уникальный эксперимент с жанрами и рифмой, прослеживающийся во всей его лирике, прославил поэта. А невероятная открытость и разговорный стиль его песен подарили всенародную любовь. Кумир своего времени, он писал о том, что пережил сам, и именно поэтому его строки так отзываются в душе каждого человека. На песнях В. Высоцкого воспитано уже не одно поколение, а любовь к его творчеству все продолжает расти...

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-161494-2

© В.С. Высоцкий (наследники), 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Песни
1960—1966 годов

* * *

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

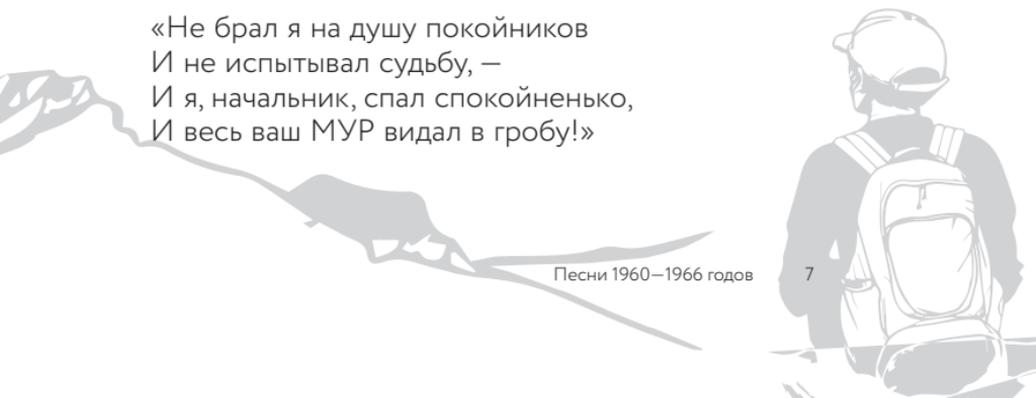
В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек — у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился —
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько,
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено
И огласили приговор, —
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем же быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1962

Серебряные струны

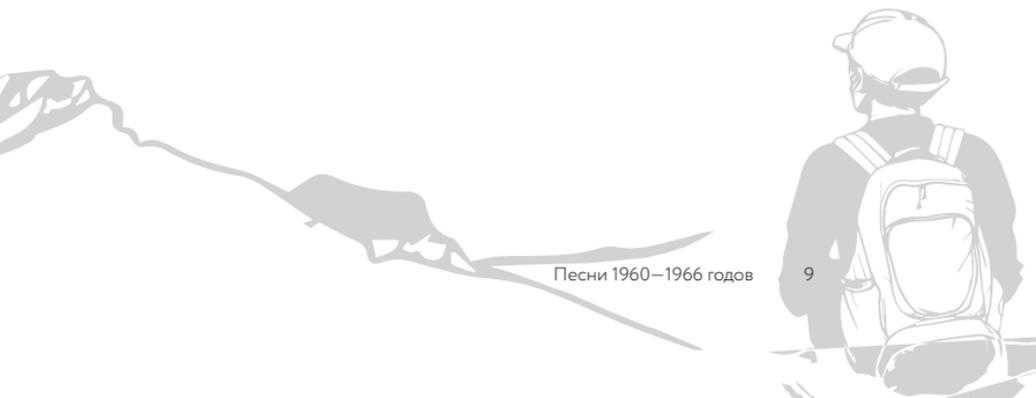
У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я заруюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
 Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
 Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
 А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
 Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
 И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
 Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж.
Меня так просто не возьмешь, —
 Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,

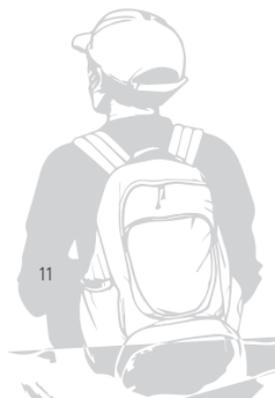
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек.
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

Лежит камень в степи

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
 «Кто направо пойдет —
 Ничего не найдет,
 А кто прямо пойдет —
 Никуда не придет,
 Кто налево пойдет —
 Ничего не поймет
 И ни за грош пропадет».

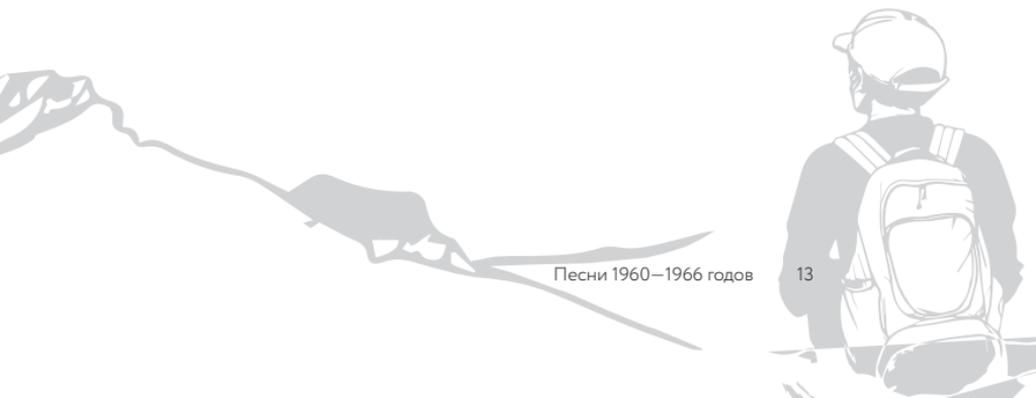
Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти иль не надо.
 Был один из них зол,
 Он направо пошел,
 В одиночку пошел, —
 Ничего не нашел —
 Ни деревни, ни сел, —
 И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья
И, подобравши подол,
Напрямую пошел, —
Сколько он ни бродил —
Никуда не забрел, —
Он вернулся и пил,
Он обратно пришел.

Ну а третий — был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
Долго ль, коротко ль шагал —
И совсем не страдал,
Пил, гулял и отдыхал,
Ничего не понимал, —
Ничего не понимал,
Так всю жизнь и прошагал —
И не сгинул, и не пропал.

1962

Большой Каретный

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

